

А. БАНКАВ

РАННИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ РОМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

Естественным явлением в истории каждого языка является заимствование лексических единиц из других языков. Лексика старолатышского языка не является исключением. Она включает целый ряд заимствований не только из немецкого, русского и других языков, но содержит также и слова романского происхождения. Еще в 1649 г. Вексионий в своей работе отметил, что „латышский язык ... отличается от всех других языков. Из других языков латышским языком заимствованы отдельные слова, поэтому этот язык можно назвать смешением различных языков, в котором можно увидеть латинские, шведские, финские и галльские слова“¹.

На материале старолатышского языка слова романского происхождения еще не подвергались систематическому изучению. Отчасти это связано с тем фактом, что романизмы проникали в старолатышский язык главным образом через немецкий язык. Поэтому в работах, где исследуются заимствования в латышском языке, нередко принимается во внимание роль только тех языков, которые послужили непосредственным источником заимствования иноязычных слов в латышский язык. Таким образом, часть слов романского происхождения отнесена к словам, заимствованным из немецкого языка. Такое положение, по нашему мнению, неадекватно отражает языковую действительность.

Источником для непосредственного изучения романизмов послужили:

- 1) богатый фактический материал, содержащийся в статье проф. А. Озола „Заимствованная лексика письменного языка старолатышей и современный латышский язык“²;
- 2) тексты старолатышских авторов;
- 3) сборники латышских народных песен (как дополнительный материал).

¹ Цитировано по: Ozols A. Veclatviešu rakstu valoda. Rīga. 1965. L. 325—326.

² Ozols A. Aizgūtā veclatviešu rakstu valodas leksika un mūsdienu latviešu valoda // Latviešu leksikas attīstība. Ar Darba Sarkanā karoga ordeni apbalvotā P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte. Zin. raksti, 86. sēj. Rīga, 1968.

Как известно, латышский язык не имеет древней письменности. Первые сохранившиеся до наших дней тексты относятся только к концу XVI в., кроме того они имеют одностороннюю направленность, так как представляют собой литературу сугубо религиозного характера. Между тем, как показало наше исследование, ранние романизмы относятся чаще всего к общеупотребительной, обиходной лексике старолатышского языка. В этой связи для более четкой характеристики общего фонда романизмов необходимо использовать аналогичные данные соседних латышскому языку языков, как например, исследования на материале средненижненемецкого³, старопольского⁴, белорусского⁵, русского⁶, эстонского⁷ языков.

Учитывались также данные лексикографических источников (областные, исторические, этимологические словари) русского, немецкого, французского, английского и других языков.

В результате изучения вышеперечисленного исследовательского материала выявлен целый пласт заимствованной лексики романского происхождения старолатышского языка, в котором главную роль играет французский язык. Детальный анализ этого пласта лексики показал, что романизмы могут быть распределены по двум основным группам: 1) слова собственно романского (французского, итальянского, испанского) происхождения и 2) слова, заимствованные из других языков при посредничестве романских языков.

К словам собственно романского происхождения в старолатышском языке можно отнести, напр., следующие единицы:

- а) галлицизмы: *dancis, ģenerālis, kastrolis, klavieres, koferis, leitnants, mamzele, mode, rente*;
- б) итальянизмы: *bīkeris, dukāts, salāti, zaldāts*;
- в) испанизмы: *jaka, korķis*.

³ См., напр.: K a t a r a P. Das Französische Lehngut in Mittelniederdeutschen Denkmälern von 1300 bis 1600. Helsinki, 1966.

⁴ Leeming H. Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696. Wyrazy pochodzenia łacinskiego i romańskiego. Warszawa, 1964.

⁵ Булыко А. М. Лексические заимствования в белорусском языке XIV—XVIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1980.

⁶ Борисова Е. Н. Проблема становления и развития словарного состава русского языка конца XVI—XVIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1979. (На материале Смоленской деловой письменности.); Алексеенко С. И. Лексические элементы из западноевропейских языков в русском языке XIV—XVI веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Полтава, 1977.

⁷ Трейман Л. Я. Слова французского происхождения в эстонском литературном языке с XVI века по шестидесятые годы XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1981.

При тщательном рассмотрении слов собственно романского происхождения необходимо отметить тот факт, что в отдельных случаях в основу заимствования легли именно диалектные формы слова (главным образом северной и северо-западной части Франции). Например, пикардийский диалект дал латышскому языку такие единицы, как *rozīne* (через немецкий *Rosine* с пикардийского *rosin*; ср. франц. *raisin*); *kapauns* (нем. *Kapaun* < пикард. *ca-pon*; ср. старофранц. *charon*) и т. д.

К словам, заимствованным через посредничество романских языков, следует отнести лексические единицы с этимонами:

а) латино-греческой основой (ср. лат. *presbyter* > старофранц. *prestre* > нем. *Priester* > лтш. *priesteris*; лат. *turnis* > старофранц. *torn* > нем. *Turm* > лтш. *tornis*);

б) основой, заимствованной из арабских языков (ср. арабск. *zafarān* > итал. *zafferano* > нем. *Saffran* > лтш. *safrāns*);

в) основой, заимствованной из индейских языков (так наз. индианизмы)⁸: из арауаского⁹ > исп. *tabaco* > нем. *Tabak* > лтш. *tabaka*; *tomatl* (карибского происх.) > исп. *tomata* > франц. *tomate* > нем. *Tomate* > лтш. *tomāts* и т. д.

При проникновении в старолатышский язык заимствованным словам свойственна вариантность. Обычно это фонетические варианты типа *cīpars*—*cīpars*; *dimants*—*demants*; *karkis*—*korkis*; *sants*—*sants* и др. или морфологические варианты типа *kastrolis*—*kastrole*; *maniere*—*maniers*; *terīne*—*terīns*; *trumete*—*trumetis* 'trompete'.

Основными причинами такой вариантности являются: а) различная степень активности языков-посредников в процессе заимствования, а также б) различная степень влияния диалектных форм немецкого языка.

В связи с тем, что процесс заимствования проходит неравномерно, под влиянием различных языков-посредников, один и тот же этимон может дать несколько этимологических дублетов. Данные единицы были заимствованы латышским языком в разное время. С точки зрения современного латышского языка уже трудно обнаружить без специальных этимологических изысканий семантические связи между такими этимологическими дублетами, как *kanēlis*—*kanāls*; *kartupelis*—*trifeles*; *krelles*—*koraļi*; *trumpis*—*triumfs*.

⁸ Иваницкая А. А. Заимствование иноязычной лексики и ее освоение: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. С. 53.

⁹ Germa P. Depuis quand? Les origines des choses de la vie quotidienne. Paris, 1979. P. 305—306.

Систематизация заимствованной лексики романского происхождения по тематическим группам позволяет, в свою очередь, судить о сферах воздействия языка-источника и языков-посредников на язык-реципиент, о характере и областях употребления заимствованных слов, о специфике одной тематической группы по сравнению с другими.

Как показали аналогичные исследования на материале соседних — белорусского и эстонского — языков, в этот период влияние романизмов охватывает главным образом следующие области: а) бытовую лексику, б) военную и в) общественно-политическую.

Так, по данным А. Н. Булыко, белорусский язык XIV—XVIII вв. заимствовал из романских языков 137 лексических единиц, из них 50 слов относятся к бытовой лексике, 30 — к военной и 10 — к общеупотребительной¹⁰. Слова этих тематических групп составляют 65,7% общего количества единиц романского происхождения.

В свою очередь эстонский лингвист Л. Я. Трейман показала, что до середины XIX в. только французский язык дал эстонскому литературному языку 407 слов, в том числе:

- 94 слова, обозначающих различные названия блюд и их приготовления;
- 68 слов, относящихся к культуре и развлечениям;
- 65 слов — военных терминов;
- 43 слова, обозначающих названия одежд и украшений, предметов косметики;
- 37 слов, относящихся к управлению и администрации;
- 21 слово, относящееся к бытовой лексике, и т. д.¹¹

Несмотря на различие обоих авторов в систематизации лексических единиц иноязычного происхождения и на разницу во временных отрезках, материал Л. Трейман также свидетельствует о том, что и в эстонском языке до середины 60-х гг. XIX в. преобладали галлицизмы, относящиеся к бытовой, военной и общественно-политической лексике.

При систематизации романизмов старолатышского языка по тематическим группам обнаруживается, что и в латышском языке наибольшее количество романизмов относится к бытовой лексике и обозначает:

- различную домашнюю утварь: *kastrolis, kumode, lampa, pods, pudele, skrūve, terīne*;
- различные пряности: *kanēlis, muskats, vaniļa*;
- одежду и названия тканей: *brokāts, jaka, kamzolis, vamzis*;

¹⁰ Булыко А. Н. Указ. соч. С. 5.

¹¹ Трейман Л. Я. Указ. соч. С. 20.

— напитки и блюда: *limonāde, fileja*;

— предметы моды: *dimants, krelles, krinoliņi, mode, tirkīzs*.

Многочисленную группу романизмов составляют также слова, обозначающие военную терминологию. Активизация слов романского происхождения в лексике старолатышского языка определялась номинативными запросами в сфере военного дела. Этому способствовало и то, что лексические средства французского языка выдвигались на позиции интернационального словотворчества. Экстралингвистические факторы также благоприятствовали активизации заимствования слов этой тематической группы старолатышским языком. Это были названия военных соединений и родов войск, военных укреплений, разных видов орудий, названия лиц по должности, званию, по принадлежности к определенным видам и родам войск, наименования военных действий и состояний, предметов обмундирования и т. п., напр.: *dragūns, ģenerālis, kaprālis, kapteinis, leitnants, zaldāts; artilērija, garnizons, kokarde, lafete, maršs, parāde* и др.

Меньше романизмов старолатышского языка относится к сфере общественно-политической лексики. Это прежде всего слова, связанные с государственным устройством и с административными преобразованиями (напр.: *barons, kantoris, postiljons 'pastnieks'*).

В ходе развития латышского языка многие романизмы вышли полностью из употребления (напр.: *daga 'īss zobens', kamerāts 'biedrs', tāža 'stāvs'* и др.). Отдельные романизмы имеют узкую сферу употребления, как, напр., единицы, относящиеся к просторечиям: *amizēties, kante, mamzele, špacierēt, špāse*.

В итоге можно с полной уверенностью утверждать, что романские языки (французский, итальянский, испанский) при активном содействии языков-посредников, служили важным источником пополнения лексики старолатышского языка. Данное влияние продолжало расширяться также после старолатышского периода развития языка, охватывая другие тематические группы и влияя на расширение и дифференциацию лексических ресурсов латышского языка.

DES EMPRUNTS D'ORIGINE ROMANE DANS LE LEXIQUE DU VIEUX LETTON

Résumé

Au cours de son développement historique le lexique letton a subi une influence indirecte des langues romanes. Comme les premiers textes n'apparaissent en letton que vers la fin du XVIe siècle, et ils ont un caractère purement religieux, il est impossible de fixer avec précision les dates d'apparition des premiers emprunts d'origine romane. Pour établir ce fonds roman du letton il faut tenir

compte des recherches analogues des langues voisines (moyen bas allemand, vieux polonais, russe, biélorusse, estonien etc.), ainsi que des données lexicographiques et sociolinguistiques variées.

L'analyse des unités lexicales d'origine romane du vieux letton montre qu'elles se caractérisent par :

- a) leur voie indirecte de pénétration;
- b) leur degré d'activité;
- c) la richesse des variantes phonétiques et morphologiques;
- d) leur appartenance thématique (lexique usuel, militaire, socio-culturel).